

ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА ВИТБЕРГА,

строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ

р. 1787 † 1855 г.

II *).

Прежде нежели я приступлю къ дальнѣйшему повѣствованію о приѣздѣ въ Петербургъ, я долженъ разсказать нѣкоторые факты частной жизни, имѣвшіе большое вліяніе на меня.

Лѣтомъ 1815 года, услышалъ (я) о возвращеніи императора въ Петербургъ. Ив. Ив. Дмитріевъ, одушевленный идеею храма моего, какъ поэтъ, совѣтывалъ мнѣ стараться, чтобъ объясненіе сего храма было сдѣлано мною на словахъ императору, ибо «живое слово, говорилъ онъ, болѣе дѣйствуетъ нежели письмо».

Я возражалъ ему, что у меня на это нѣтъ никакихъ средствъ, и что я объ этомъ заботиться не буду, ибо ежели суждено мо-

*.) См. «Русскую Старину» 1872 г., т. V, стр. 16—32. Къ первой главѣ Записокъ Витберга — П. Н. Петровъ сообщилъ намъ слѣдующія примѣчанія:

«Русск. Стар.», т. V, стр. 18. Въ Академіи были тогда возрасты, а не курсы. Витбергъ кончилъ курсъ Академіи въ 1809 г., слѣдовательно не могъ быть выпущенъ изъ Академіи въ 1807 году, когда получилъ онъ вторую золотую медаль и оставленъ пансіонеромъ для возможности получить въ слѣдующій выпускъ первую золотую медаль; этой вожделѣнной награды удостоенъ онъ отъ Академіи въ собраніи 1 сентября 1809 года, выполнивъ картину по программѣ «Андромаха, оплакивающая Гектора». Картина эта теперь находится въ академическомъ музеѣ. Только съ первой медалью воспитанники имѣли право получать пенсію отъ казны на пребываніе за границею на извѣстное число лѣтъ.

Стр. 21. Сюжетъ изъ Марѣи Посадницы былъ общею программою по Академіи для историческихъ живописцевъ въ 1808 году, и въ годовое собраніе 1 сентября никому не было дано первой золотой медали, а вторая—досталась Дмитрію Ивановичу Иванову, съ которымъ Витбергъ не хотѣлъ состязаться въ живописи, выполнивъ одинъ только эскизъ въ рисунокѣ. Картина Иванова

ему проекту быть избраннымъ, онъ будетъ избранъ, а нѣтъ—предоставляю волѣ Провидѣнія.

По окончаніи проекта и когда слухъ о немъ носился по Москвѣ, я объяснялъ *) его у графа Ростопчина, при многочисленномъ собраніи, собираясь ѣхать въ Петербургъ, чтобъ передать оберъ-прокурору св. синода, князю Ал. Нив. Голицыну, проектъ свой (ему назначено было собирать проекты). Тамъ графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій желалъ имѣть подробнѣйшее объясненіе у себя дома, видя что при многочисленномъ собраніи я не могъ такъ свободно объяснять его.

Графъ былъ очень тронутъ идеей до слезъ, и съ восторгомъ спросилъ: чѣмъ онъ можетъ быть полезнымъ, чтобъ дать этому дѣлу ходъ, предвидя затрудненія, которыя оному сдѣлають.

— «Братъ мой министръ просвѣщенія (тогда онъ былъ президентомъ Академіи Художествъ)**). Онъ можетъ многое (сдѣлать) для васъ; я полагаю не лишнимъ снабдить васъ при поѣздкѣ въ Петербургъ письмомъ въ брата».

Я возражалъ: «Извините графъ, ежели отвѣтъ мой покажется страненъ и невѣжливъ. Сердечно благодарю за участіе принимаемое (вами) въ семъ дѣлѣ. Но строгость моихъ правилъ, коимъ

теперь въ Эрмитажѣ. Подъ именемъ картины у Лабзина Витбергъ конечно разумѣетъ маленькій эскизъ свой, также оконченный, какъ и тотъ («Изведеніе Петра изъ темницы»).

На стр. 24, по крайней неразборчивости рукописи, вкралась ошибка: напечатано «Шугуева», вмѣсто Шебуева. Василій Козмичъ Шебуевъ, воспитанникъ Академіи, потомъ пансіонеръ ея, профессоръ и ректоръ живописи, дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, написалъ въ стилѣ Пуссена — которому онъ обыкновенно старался подражать въ своихъ композиціяхъ—эскизъ плафона въ главный куполъ Казанскаго собора, но до исполненія въ натурѣ не дошло. Произведеніе Шебуева существуетъ, оно было на Лондонской всемірной выставкѣ 1862 г.

П. П.

Съ своей стороны считаемъ не лишнимъ отмѣтить одну обмолвку автобіографа: на стр. 31, въ подстрочномъ примѣчаніи, Витбергъ называетъ графа Каподистрія — королемъ Греціи; онъ былъ — ея президентъ. Всѣ слѣдующія примѣчанія къ настоящимъ мемуарамъ сдѣланы, по нашей просьбѣ, также П. Н. Петровымъ, извѣстнымъ знатокомъ исторіи русскаго искусства.

Ред.

*) «Объяснялъ» вмѣсто зачеркнутаго: «показывалъ».

Ред.

**) Министръ народнаго просвѣщенія съ 1812 года по 1827 годъ имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ императорскую Академію Художествъ, но управлялъ ею до 1817 года вице-президентъ П. П. Чекалевскій (1750—1817), а послѣ него президентъ—А. Н. Оленинъ (1763—1843 г.).

П. П.

измѣнить не могу, запрещаетъ мнѣ пользоваться всякимъ иска-
тельствомъ, а письмо ваше будетъ походить на протекцію; ибо
я поставилъ правиломъ по этому дѣлу ничего не просить, чтобъ
видѣть волю и указаніе Провидѣнія. Какъ трудъ мой важенъ,
то я боюсь исцательствами натянуть успѣхъ и взять на себя
столь трудное дѣло, сопряженное съ раздраженіемъ многихъ и
ежели тогда я не въ силахъ буду выполнить. Еслиже, вопреки
моимъ правиламъ, дѣло будетъ имѣть надлежащій ходъ и успѣхъ,
тогда я заключу, что оно имѣетъ назначеніе свыше, и въ такомъ
случаѣ я въ состояніи буду перенести всѣ препятствія».

Графъ нашелъ мой отзывъ не только не обиднымъ, но былъ
радъ, что я такъ рассуждаю, хотя впрочемъ считалъ не излиш-
нимъ письмо къ брату.

Я отвѣчалъ, что пожалуй приму его; но только, чтобъ онъ
замѣтилъ, что я не прошу оное.

Многія другія особы показывали вниманіе *).

Наконецъ я собрался въ 1815 году въ Петербургъ. Но я
всѣхъ менѣе былъ доволенъ моимъ проектомъ, видя впрочемъ,
что онъ удовлетворяетъ характеру серьезной архитектуры. Впро-
чемъ увѣренность была, что мой проектъ будетъ избранъ и (я)
твердо полагался.

На дорогѣ въ Петербургъ, я остановился въ Твери у почт-
мейстера Нововщенова, съ которымъ я познакомился въ Москвѣ,
ибо и онъ жилъ въ почтамтѣ; я провелъ тамъ съ недѣлю, же-
лая ему оставить памятники моихъ трудовъ, гдѣ я познакомился
съ свѣдущимъ математикомъ Карбоньеромъ, впоследствии инже-
неромъ, и о которомъ упоминаю потому, что послѣ мы съ нимъ
встрѣтились инако. Онъ въ моемъ проектѣ особливо вникалъ
въ конструцію купола, который у меня былъ проектированъ
изъ желѣза. Въ Твери нашелъ я обѣщанное письмо къ Алексѣю
Кирилловичу Разумовскому и, сверхъ того, къ Александру Ни-
колаевичу Голицыну — отъ Льва Кирилловича Разумовскаго.

Между тѣмъ, слухъ о моемъ проектѣ дошелъ до многихъ и
предупредилъ меня въ Петербургѣ. Я уже говорилъ, что нѣко-
торые изъ моихъ товарищей тоже занимались имъ, въ числѣ
ихъ былъ одинъ Мельниковъ, нынѣ профессоръ Академіи Ху-

*) Въмѣсто этого было написано и зачеркнуто: «Многія особы въ Москвѣ
оказывали чрезвычайное вниманіе моему проекту.....»

дожествъ*); онъ мнѣ показывалъ свой проектъ еще прежде отъѣзда въ Москву; но могъ-ли онъ мнѣ понравиться, когда никакой мысли не лежало въ основаніи его идеи. Несмотря на то, что Мельникова программы обыкновенно были хороши, ибо онъ имѣлъ хорошей талантъ, но его проектъ былъ испещренъ мелочами.

Слухъ о моемъ проектѣ и о духѣ, въ коемъ онъ составленъ, дошелъ до него. Возвратясь въ Петербургъ, я встрѣтился съ нимъ на улицѣ; онъ вспыхнулъ въ лицѣ и я понялъ этотъ румянецъ, и первое слово было о моемъ проектѣ; удовлетворяя его желанію, я звалъ его на другой день придти посмотрѣть оный.

Въ назначенный часъ онъ явился. Внимательно смотря на проектъ, первый вопросъ его былъ: «И неужели ты самъ чертилъ его?»

— Твой вопросъ обиденъ, возразилъ я. Это похоже на то, ежели бы у сочинителя спросили, самъ ли онъ перебѣлилъ такъ хорошо.

— Все такъ; но, помилуй, ты прежде не умѣлъ чертить.

— Умѣю теперь.

— Но такъ скоро?

— Стоить твердо желать и успѣхъ несомнѣненъ. Сначала я чертилъ дурно и мысли мои выражались уродствами, потомъ занятіе, размышленіе дали мнѣ силы, одушевленіе; любовь довершила остальное. Вотъ смотри рядъ, черезъ который я дошелъ до проекта, сказалъ я ему, подавая портфель гдѣ хранились у меня всѣ чертежи отъ перваго до послѣдняго.

Съ жадностью перебиралъ Мельниковъ эти листы и удивленіе его не уменьшалось. Онъ былъ доволенъ, хвалилъ; но я требовалъ его мнѣнія какъ товарища и артиста, на что онъ отвѣчалъ:

*) Профессоръ, потомъ ректоръ архитектуры въ императорской Академіи Художествъ, Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ, (1784—1854) былъ художникъ съ высокимъ талантомъ и съ большими практическими знаніями строительнаго дѣла. Композиція его отличалась глубокою обдуманностью и замѣчательны вкусомъ и тактомъ. Онъ строилъ церковь Николая Чудотворца, въ Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ. Съ отзывомъ автобіографа о Мельниковѣ трудно согласиться буквально, а слѣдуетъ принимать его только въ смыслѣ различія взглядовъ на предметъ, его и Витверга. П. П.

— Стыдно ихъ сказать, они есть, но такія мелочи, что совѣстно говорить.

Окончивъ это, онъ просилъ сказать ему идею, внутреннюю мысль храма.

— Мельниковъ, сказалъ я ему, ты занимаешься тѣмъ же предметомъ; много уже я сдѣлалъ, показавъ тебѣ свой проектъ; но ты хочешь еще знать и внутреннюю идею,—этого не дѣлается; но я докажу довѣренность, которую имѣю къ тебѣ; человѣкъ съ талантомъ не можетъ быть подлецомъ.

Послѣ этого я объяснилъ ему храмъ свой; но объясненіе мое было не систематично, безъ послѣдовательности, разбивчиво, и я скрылъ отъ него главную синтетическую мысль, изъ коей развивались всѣ частности зданія. Впрочемъ онъ и не могъ бы понять меня; хорошій артистъ, онъ далеко былъ отъ религіознаго взора на эти предметы. Казалось онъ довольствовался моимъ объясненіемъ и въ душѣ его не возникало дальнѣйшихъ вопросовъ.

Когда я кончилъ, я видѣлъ, что его удивленіе не прошло и въ тоже время что-то грустное, обиженное было на лицѣ его.

— Вотъ тебѣ и объясненіе, сказалъ я ему въ заключеніе: хотя я и не предполагаю, чтобы ты когда-либо воспользовался имъ съ черной цѣлью; но ежели бы и хотѣлъ, то вотъ тебѣ моя рука, что это для тебя рѣшительно невозможно; ты все перепутаешь.

И въ самомъ дѣлѣ могъ ли человѣкъ, неимѣющій самъ той идеи и еще болѣе неспособный ее имѣть, слыша объясненіе нѣкоторыхъ частей, въ разбивку, безъ порядка, могъ ли онъ удовлетворительно, отчетливо, не зная общности, передать эти мысли и не должны ли были они у него перепутаться съ другими мыслями и слѣдственно дойти до нелѣпости.

Мельниковъ увѣрялъ.

Впослѣдствіи увидимъ, какъ поступилъ онъ и увидимъ всю вѣрность высказаннаго здѣсь мнѣнія. Теперь прибавлю, что г. Мельниковъ распространилъ въ Академіи слухъ о достоинствѣ такого труда и съ похвалою относился о моемъ проектѣ.

III.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ собиралъ проекты и я тотчасъ явился къ нему, и съ письмомъ отъ графа Разумовскаго. Князь сказалъ, что онъ давно слышалъ о моихъ занятіяхъ и хотѣлъ со мною познакомиться, притомъ замѣтилъ, что онъ не можетъ ничего особеннаго сдѣлать для моего проекта, а какъ и всѣ прочіе повергнетъ разсмотрѣнію императора.

— Я и не прошу ничего особеннаго, возразилъ я, но вотъ, впрочемъ одна просьба: я письменнаго объясненія храма не сдѣлаю и непременно хочу оное сдѣлать лично; доведите это до свѣдѣнія императора.

Князь обѣщалъ. Онъ назначилъ (мнѣ) на третій день явиться съ проектомъ и сдѣлать полное объясненіе онаго.

Князь сказалъ, что вѣроятно проектъ мой потребуеъ большихъ издержекъ; «это одно можетъ остановить выборъ его и потому хорошо было бы, ежели вы занялись отдѣлкою другаго *) проекта въ меньшемъ видѣ. Государь еще будетъ не скоро успѣть можете».

Я обѣщалъ **), понявъ всю важность словъ князя.

Являсь въ назначенное время, я нашелъ (у князя) архимандрита Филарета, впоследствии столь извѣстнаго, Александра Александровича Ленивцева друга князя, и оберъ-шенка Кошелева и камергера Кологривова. При сихъ лицахъ сдѣлалъ я полное объясненіе своего проекта. Я наиболѣе обращалъ свои замѣчанія Филарету,—который тогда сталъ обращать вниманіе своими проповѣдями,—желая знать, нѣтъ ли чего противнаго догматамъ россійской церкви? съ какою цѣлью, вѣроятно, князь его и пригласилъ. Филаретъ вполне оправдывалъ мои идеи и весьма находилъ ихъ приличными греко-россійской церкви, сдѣлавъ одно замѣчаніе:

— Вы помѣстили семь добродѣтелей: вѣру, надежду, любовь, чистоту, смиреніе, благодать и славу, которыя, какъ вы говорите, помѣщены на извѣстномъ образѣ храма Премудрости; но я полагаю, что послѣднія двѣ добродѣтели: слава и бла-

*) «Другаго», вмѣсто зачеркнутаго «экономическаго».

Ред.

**) Въ подлинникѣ слова: «понявъ всю важность словъ князя и началъ заниматься» — зачеркнуты.

Ред.

годать, болѣе бы могли относиться ко внутренности храма, нежели ко внѣшности его.

Найдя замѣчанія его весьма основательными, тотчасъ измѣнилъ это. Князь остался весьма доволенъ.

При прощаніи, сказалъ онъ мнѣ:

— Ежели любите хорошее служеніе, каждое воскресенье въ моей домово́й церкви собираются мои пріятели, приглашаю и васъ.

Я не преминулъ быть, и князь спрашивалъ:

— Какъ вамъ нравится церковь?

— Довольно хороша для домово́й церкви, но иконостасъ съ погрѣшностями; но наиболѣе не нравятся мнѣ царскія врата (онѣ были устроены извѣстнымъ Воронихинымъ).

— Да, мнѣ и самому не очень нравится иконостасъ, сказалъ князь; но что именно находите вы въ царскихъ вратахъ?

— Во-первыхъ, самыя врата имѣютъ характеръ грубый, въ то время, какъ по своей идеѣ онѣ должны быть прозрачны и легки; далѣе, главнѣйшій недостатокъ, что завѣса голубаго цвѣта.

— Какого-жъ цвѣта должна она быть? спросилъ князь съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Именно краснаго.

— Почему?

Отвѣтъ мой состоялъ изъ текста св. Павла: «имущему дерзновение, братіе, входить во Святая, кровію Іисусъ Христовой чрезъ завѣсу путемъ новымъ и живымъ, его же обновилъ есть намъ, сирѣчь плотію своею».

Князь былъ изумленъ рѣзкостью идеи и тотчасъ меня просилъ сдѣлать чертежъ для царскихъ вратъ, который я ему сдѣлалъ, торопясь удовлетворить просьбу его, ибо онъ желалъ, чтобъ они были готовы къ приѣзду императора, который часто посѣщалъ его церковь и, слѣдовательно, могъ бы увидѣть трудъ мой.

Я сдѣлалъ рисунокъ, по коему царскія врата состояли какъ бы изъ лучей свѣта изъ иконостаса; находя хорошо изображенными эти лучи въ образѣ Троицы, я составилъ царскія врата изъ продолженія ихъ. Внизу помѣщенъ былъ бѣлый квадратный красугольный камень, на которомъ, въ видѣ барельефа, изображены были Благовѣщеніе и 4 Евангелиста, ниже, на самомъ

камять, текстъ вышепрописанный. На камнѣ лежали на поставѣ потиръ, а выше, въ самыхъ лучахъ, какъ бы носился самый вѣнецъ терновый. Сквозь лучи видна завѣса, составленная изъ краснаго креста на бѣломъ полѣ, чтобы отдѣлить христіанскую завѣсу отъ ветхозавѣтной въ храмѣ Соломоновѣ; къ сему велъ и слѣдующій текстъ: «И убѣлиши ризы своя въ крови агнчей» (Апокалипсисъ).

Между тѣмъ съ другимъ письмомъ явился я къ министру просвѣщенія, подѣ влияніемъ котораго находилась Академія Художествъ. Графъ принялъ чрезвычайно благосклонно письмо и назначилъ въ тотъ же день быть у него съ проектомъ. Я исполнилъ это. Около двухъ часовъ провелъ я у него въ кабинетѣ съ величайшимъ удовольствіемъ. Графъ былъ пораженъ новостью идеи и сказалъ:

— Это новая поэзія въ архитектурѣ.

Надежить знать, что графъ слылъ человѣкомъ неприступнымъ и гордымъ; онъ удалялся ото всѣхъ, даже отъ своихъ домашнихъ. Члены Академіи никогда не удостоивались быть принимаемы имъ. Ласки его къ молодому человѣку-пансіонеру Академіи, два часа проведенные съ нимъ въ кабинетѣ, наконецъ похвалы моему проекту, который онъ называлъ чистымъ произведеніемъ вдохновенія, раздражили Академію.

Несмотря на размовку мою съ Лабзинымъ, я, занимаясь столь важнымъ предметомъ, находилъ нужду забыть неприятности и явился къ нему *); но я хотѣлъ показать ему, что благодарность къ нему у меня не изсякла. Сверхъ того, я хотѣлъ представить свой проектъ на разсмотрѣніе Академіи въ ея общее засѣданіе, которое скоро надлежало быть, а Лабзинъ былъ конференцъ-секретаремъ. Несмотря на гордый характеръ Лабзина, онъ принялъ меня съ сердечнымъ удовольствіемъ.

— Покажи-же, братъ, свои труды, о которыхъ такъ много говорятъ.

— Мнѣ весьма будетъ пріятно слышать ваше мнѣніе, возрадуюсь я, по предмету столь близкому его душѣ.

Вскорѣ удовлетворилъ я его желаніе. Сначала все шло хорошо и Лабзинъ былъ доволенъ; но среди самаго объясненія произошелъ горячій споръ.

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «пріемъ былъ холоденъ».

Я сказалъ: «Вотъ, Александръ Федоровичъ, вы хвалите мои труды теперь, а когда я жилъ въ Москвѣ, не вы ли съ Академіей затрудняли меня письмами и мучили своими требованіями, вмѣсто того, чтобы способствовать развитію моему. Въ васъ и въ Академіи я нашелъ наибольшее препятствіе, и теперь я отъ нее ничего хорошаго не жду».

Лабзинъ спросилъ: «Но чего же ты хочешь отъ Академіи, вѣдь ты ее оставилъ и отказался отъ вояжа?»

— Быть баллотировану въ члены Академіи по сему проекту, который я хочу представить.

Лабзинъ вспыхнулъ и вскричалъ:

— Это не по формѣ, ты знаешь порядокъ, Академія назначаетъ тему...

— Но я никакой другой программой не буду заниматься; сверхъ того, Академія за три года предлагала мнѣ быть членомъ, отъ чего я отказался въ пользу путешествія; отчего-же теперь она откажетъ послѣ столь важнаго труда. Я посвятилъ себя одному храму, на него употреблены всѣ силы души моей, и для выполненія формъ Академіи не хочу чертить какую-нибудь конюшню.

Кончилось тѣмъ, что не желая слышать болѣе слова, я завернулъ свой проектъ, не продолжая объясненіе,—и откланялся. Въ тотъ же день я явился съ той же цѣлью къ вице-президенту академіи Чекалевскому, который былъ очень обрадованъ моимъ приходомъ. Я объявилъ ему желаніе представить проектъ для баллотированія въ члены.

— Очень радъ, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ; но скажите, любезнѣйшій, вы прежде вѣдь не занимались архитектурой? Какъ-же вы сдѣлали такой огромный проектъ, и какъ предпринять такое трудное дѣло?

— Правда, что я прежде не занимался архитектурой, но кто же можетъ поставить предѣлъ Тому, кто раздаетъ таланты и дарованія? не показываетъ ли самое слово, что это дается свыше тому, кому Онъ возжелаетъ.

Чекалевскій сдѣлалъ престранную фізіономію; обыкновенная доброта перемѣшалась съ сомнѣніемъ и онъ сказалъ: «хорошо, хорошо».

Онъ былъ занятъ и я разстался съ нимъ.

И каково-же было мое удивленіе черезъ нѣсколько дней узнать, что добрый Чекалевскій съ сердечнымъ участіемъ говорилъ: «какъ жаль, вѣдь Витбергъ помѣшался. Онъ мнѣ говорилъ о какихъ-то откровеніяхъ, о Богѣ».

Этотъ языкъ, коимъ я говорилъ, казался имъ языкомъ безумія!

Хотя мнѣ было и очень смѣшно, но однако я боялся, что этотъ слухъ распространится и что странно будетъ Академіи разсматривать проектъ умалишеннаго. Изъ размолвки съ Лабзиннымъ, тѣмъ болѣе, что я уже зналъ раздраженіе (противъ меня) академиковъ за пріемъ министра, я понялъ уже, какія препятствія я долженъ былъ встрѣтить въ общемъ собраніи Академіи.

Между тѣмъ, какъ до 1-го сентября (время баллотированія въ Академіи), оставалось времени довольно, то оно посвящено было составленію меньшаго проекта въ тѣхъ же идеяхъ.

Навонецъ, наканунѣ 1-го сентября, я явился къ князю Александру Николаевичу.

— Завтра намѣренъ я представить проектъ мой на разсмотрѣніе Академіи; но какъ я надѣюсь на большія затрудненія тамъ, то прошу ваше сіятельство. Я почти увѣренъ, что гг. архитекторы употребятъ всѣ усилія, чтобъ меня не баллотировали по проекту не ими заданному, имѣя въ сей формѣ предлогъ отказа. Я уже передалъ вице-президенту Академіи бумагу, которой объясняю всѣ мои труды въ Москвѣ, въ видѣ отчета; тамъ просилъ я его, ежели не вѣрятъ въ мои успѣхи, то сдѣлать мнѣ строгій словесный экзаменъ изъ всѣхъ частей архитектуры, какого ни одинъ архитекторъ у насъ не выдерживалъ. И потому прошу ваше сіятельство, чтобъ профессора не могли меня отринуть, когда предложитъ вице-президентъ; то (и вы) какъ членъ Академіи, (благovolите) дать голосъ въ пользу экзамена.

Въ Академіи, когда было это предложено, сначала обращались къ Гваренги, но онъ возразилъ, что какъ почетный членъ, онъ предоставляетъ (это дѣло) гг. профессорамъ. Старшій профессоръ Михайловъ *) замѣтилъ, что «дѣйствительно мы знаемъ, что г. Витбергъ никогда не занимался архитектурой, и потому не можетъ не казаться страннымъ проектъ столь огромный».

*) Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, потомъ ректоръ архитектуры въ Академіи Художествъ, уволенный въ отставку при введеніи въ дѣйствіе устава 1830 года. А. А. Михайловъ строилъ церковь св. Екатерины мученицы на Васильевскомъ острову, близъ Тучкова моста. П. П.

Добрый вице-президентъ замѣтилъ, что Витбергъ желаетъ быть по этому проекту подвергнутъ словесному экзамену, и надѣется удовлетворить членовъ Академіи въ основательности своихъ познаній.

— Но столь огромный проектъ, сказалъ г. Михайловъ, потребуетъ слишкомъ много времени и гг. члены, вѣроятно, не могутъ посвятить на это столько времени.

Г. профессоръ едва кончилъ свое замѣчаніе, какъ г. конференцъ-секретарь Лабзинъ сказалъ довольно велегласно и важно:

— Такъ какъ г. Витбергъ въ своемъ отчетѣ, о занятіяхъ въ Москвѣ, довольно подробно говоритъ о занятіяхъ по механикѣ, гидравликѣ, архитектурѣ, то, я полагаю, всего приличнѣе, чтобъ составить изъ ученыхъ лицъ по тѣмъ предметамъ комитетъ, который могъ бы рассмотреть его труды и оцѣнить ихъ.

Надобно согласиться, что Лабзинъ, какъ умный человекъ, сдѣлалъ замѣчаніе умное и улыбка на устахъ профессоровъ показала, что всѣ согласны съ предложеніемъ конференцъ-секретаря. Съ изумленіемъ глядѣлъ я на князя Александра Николаевича, молчащаго, и на президента*), который не употребилъ своего голоса; впрочемъ, на его лицѣ видно было негодованіе. Наконецъ министръ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— На чемъ остановились члены, я считаю неумѣстнымъ возражать и въ первыя минуты горячности могъ-бы наговорить вещей лишннихъ.

Министръ, уѣзжая, сказалъ:

— Въ Академіи всегда происки, кабалы.

Съ внутреннимъ раздраженіемъ явился я на другой день къ князю Александру Николаевичу, но онъ меня предупредилъ:

— Явно, что профессора архитектуры слишкомъ противъ васъ раздражены.

— Это натурально; но я ожидалъ отзыва вашего сѣятельства, какъ почетнаго члена, насчетъ моего экзамена.

— Нельзя было этого сдѣлать, когда всѣ согласились составить комитетъ.

*) Президента тогда не было, а управлялъ Императорскою Академіею Художествъ, какъ мы замѣтили уже, вице-президентъ П. П. Чекалевскій. Можно думать, что президентомъ называетъ автобіографъ министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго.

— Но я не такъ недалновиденъ, сказалъ я, чтобъ не понимать цѣли этого комитета; страшно мнѣ было-бы согласиться экзаменоваться изъ всѣхъ частей, которыми я занимался мимоходомъ и только въ отношеніи къ архитектурѣ, по предложенію конференцъ-секретаря. Впрочемъ, я увѣренъ, что ни одинъ изъ профессоровъ Академіи не можетъ выдержать подобнаго экзамена.

Не помню, какъ князь отдѣлался *), и совѣтовалъ заниматься болѣе всего вторымъ проектомъ—что я и исполнилъ.

Между тѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, явился я въ совѣтъ Академіи съ вопросомъ, намѣрена ли Академія удовлетворить моему избранію въ члены по проекту или нѣтъ?

Михайловъ отвѣчалъ **).

— Вы знаете порядокъ: примите программу отъ Академіи и она не откажетъ вамъ въ достодолжномъ вознагражденіи.

— Но я уже сказалъ, что я никакими предметами, кромѣ храма, не могу заниматься въ архитектурѣ, тѣмъ болѣе, что я въ скоромъ времени намѣренъ оставить Петербургъ.

— Въ такомъ случаѣ Академія не можетъ удовлетворить вашего требованія.

Я снова спѣшилъ удалиться, чтобъ удержаться въ границахъ умѣренности.

Между тѣмъ, приближалось время приѣзда государя и мнѣ—ѣхать для бракосочетанія въ Москву; почему я счелъ за нужное писать къ графу Алексѣю Кирилловичу***), которому писалъ, что скоро ѣду изъ Петербурга и потому мнѣ рѣшительно нужно знать, намѣрена-ли Академія удовлетворить справедливому требованію? И ежели нѣтъ, то я долженъ буду несправедливость отказа сего поставить на видъ государя императора.

Вслѣдствіе сего, министръ при первомъ свиданіи съ вице-президентомъ и конференцъ-секретаремъ сказалъ имъ о полученномъ отъ меня письмѣ и совѣтывалъ черезъ нихъ (членамъ) Академіи быть осторожными въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Я понимаю характеръ этого молодаго человѣка, онъ много трудился, исполненъ дарованій; эти люди не унижаются и тверды;

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «но ловко».

***) «Михайловъ отвѣчалъ», вм. зачеркнутаго: «мнѣ было сказано, что».

***) Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія.

хуже будетъ, ежели онъ напишетъ государю, а онъ приважетъ Академіи исполнить его требованія, тогда стыднѣе будетъ намъ!*)

На это Лабзинъ отвѣтствовалъ:

— Академіи нимаго не будетъ стыдно исполнить волю монарха.

Министру нечего было спорить и онъ, прекращая разговоръ, сказалъ:

— Дѣлайте, что хотите, но я бы совѣтовалъ кончить доброй манерой.

Все и кончилось «доброй манерой». Одинъ знакомый совѣтовалъ мнѣ еще разъ сходить къ вице-президенту; мнѣ не хотѣлось, я боялся увлечься негодованіемъ, долго не рѣшался, но наконецъ пошелъ, именно потому, что не хотѣлъ. Отъ него-то я узналъ, что академики потому не внимали моей просьбѣ, что боялись, что я имъ загорожу дорогу, и что они, долгое время работающіе на этомъ поприщѣ, должны будутъ уступить мнѣ. Но я брался объяснить профессорамъ, что не загорожу имъ дороги.

Добрый вице-президентъ узнавъ, что я ищу званіе члена для того, чтобъ имѣть какое-либо значеніе, вступая въ бракъ, совѣтывалъ мнѣ баллотироваться не по архитектурѣ и для этого послать Академіи какой-нибудь изъ прежнихъ трудовъ.

Я говорилъ, что все это ученическіе опыты и болѣе всего (обработанъ сюжетъ «Освобожденіе ап. Петра»).

Эскизъ (этотъ) освобожденія ап. Петра изъ темницы (и) былъ мною доставленъ вице-президенту. Составили экстраординарный совѣтъ изъ всѣхъ профессоровъ**) и единогласно избрали меня въ

*) Въ подлинномъ, на полѣ, приписка: «Проектъ Михайлова, представленный у князя Александра Николаевича съ моимъ объясненіемъ». Ред.

**) Витбергъ выбранъ въ академики живописи по рѣшенію совѣта 31 января 1816 г. Въ журналѣ этого собранія, въ пунктѣ 13-мъ, это обстоятельство прописано подробно (см. стр. 74 II ч. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ»). Вотъ это опредѣленіе Совѣта и Академіи 1816 г. 31 января: «Г. вице-президентъ представилъ Совѣту картину, писанную бывшимъ пансіонеромъ сей Академіи, Карломъ Витбергомъ, представляющую освобожденіе ангеломъ св. Петра изъ темницы, съ таковымъ объясненіемъ, что оный Витбергъ, во время долговременнаго пребыванія его въ Москвѣ, за разными своими занятіями, не имѣлъ случая произвестъ по его художеству въ живописи исторической чего-либо особеннаго для сужденія о его талантахъ, но написалъ сію картину по эскизу, который еще, бывши въ ученикахъ, онъ дѣлалъ и который тогда заслужилъ ему одобреніе Академіи и предложилъ, не

члены; изъ 30 балловъ были только 3 черныхъ. Вице-президентъ увѣрялъ, что я ѣду изъ Петербурга и, вѣроятно, женившись, брошу архитектурныя занятія. Узнавши причину, почему я искалъ, они съ радостью исполнили предложеніе вице-президента. Вице-президентъ поздравлялъ меня письменно, замѣчая, что никто не былъ баллотированъ одними профессорами и съ такимъ большинствомъ. Черезъ нѣсколько дней прислали и дипломъ *).

IV.

Между тѣмъ и второй (малый) проектъ пришелъ къ окончанію. Распоряженіе Академіи о принятіи меня членомъ было совершенно во времени, ибо черезъ нѣсколько дней оно уже не доставило-бы мнѣ того удовольствія.

Вскорѣ послѣ того воспослѣдовало прибытіе государя императора изъ чужихъ краевъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, по приѣздѣ императора, прислалъ за мною князь Александръ Николаевичъ, который мнѣ объявилъ, что на другой день надлежало быть готовымъ: предстать предъ лицо государя.

— Государь будетъ у меня у обѣдни; встати императоръ увидитъ кое-что изъ вашихъ трудовъ у меня въ церкви (царскія врата были уже сдѣланы), и послѣ обѣдни будетъ разсматривать поступившіе ко мнѣ проекты, въ томъ числѣ и вашъ; итакъ, будьте здѣсь, чтобъ тотчасъ явиться, ежели государь спроситъ.

разсудить-ли совѣтъ по сей картинѣ его, Витберга, какъ воспитанника Академіи и потому художника извѣстнаго, удостоятъ званія академика, почему приглашены были и другіе гг. профессора, не составляющіе членовъ совѣта, и дѣло сіе предложено на рѣшеніе баллотированіемъ и большинствомъ балловъ, онъ, Витбергъ, избранъ въ академики».

Что касается до проекта храма Спасителя,—въ томъ видѣ, какъ былъ онъ у составителя въ 1816 году,—то это была первая идея, нисколько не обработанная и безъ объясненій автора, по собственнымъ словамъ его, могла быть непонятна. Для техниковъ же строительнаго дѣла—каковы профессора архитектуры—подобное произведеніе любителя не могло служить предметомъ серьезнаго разбора, потому, очень естественно, и отнеслось такъ къ нему собраніе; еще, къ тому же, на актѣ стѣсняемое присутствіемъ министра и кандидата на министерство,—какимъ оказывался князь Н. А. Голицынъ, въ октябрѣ этого года вступившій и въ управленіе de facto.

II. II.

*) Въ подлинномъ зачеркнуто: «Дипломъ этотъ былъ маленькимъ утѣшеніемъ въ большихъ неприяностяхъ».

Ред. ,

Приглашеніе сіе было согласно съ тѣмъ условіемъ, которое я сдѣлалъ, что иначе не могу объяснить какъ лично мой проектъ.

На другое утро я проснулся очень рано. Естественно, что хотя давно я ожидалъ сего дня, но что по приближеніи онаго я былъ озабоченъ: 1) я никогда не имѣлъ счастья быть представленъ государю, слѣдовательно, боялся (чтобъ) не смѣшаться; 2) я объяснялся не довольно громкимъ голосомъ, а государь худо слышалъ; 3) я не могъ не понимать, что объясненія, мною дѣлаемые, были довольно пространны, несвязны и наполнены повтореніями, но здѣсь надлежало объяснить кратко и, съ тѣмъ вмѣстѣ, столько полно, чтобъ ни одна изъ главныхъ идей не была пропущена.

Впрочемъ, эти мысли не сбивали меня; я надѣялся сладить со всѣмъ, (потому что) чистота намѣренія и вѣра въ Провидѣніе заставляли меня думать, что я превозмогу, или что само собою все учредится.

Въ такихъ мысляхъ я оставался покойнымъ.

Проснулся часа въ три; вставать было рано: всѣ спали въ въ домѣ сестры, гдѣ я жилъ, и я, не вставая, началъ обдумывать новую методу объясненія, которая была-бы несравненно короче и яснѣе. О подробностяхъ я не думалъ и расположилъ только главные части его, предоставляя *) настоящему одушевленію остальное. Я былъ доволенъ имъ. Такимъ образомъ, въ надлежащее время явился я въ домъ князя Александра Николаевича **).

По окончаніи обѣдни, въ кабинетъ князя былъ поданъ завтракъ. Послѣ завтрака, я былъ потребованъ въ кабинетъ.

Несмотря на спокойное состояніе духа, въ которомъ я былъ, я смутился въ это время. Я взмошелъ. Государь, въ другой сторонѣ кабинета занимаясь съ княземъ Николаевичемъ, держалъ въ рукѣ книгу. Замѣтивъ мой входъ, сложилъ книгу и кивнувъ головою, взглянулъ на меня, и взглянулъ таеъ, что все смущеніе въ одно мгновеніе прошло: я былъ развязанъ, столь много исполненъ былъ этотъ взглядъ добротою, взглядъ унаслѣдованный отъ императрицы Екатерины. Государь послѣ продолжалъ разсматривать книгу; спустя нѣсколько минутъ, поло-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «минутному».

Ред.

***) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «обѣдня уже кончилась».

Ред.

жилъ книгу и подошелъ въ столу*). Нѣсколько проектовъ лежали на большомъ столѣ, среди кабинета. Въ числѣ сихъ проектовъ былъ проектъ Гваренги, въ родѣ Пантеона, извѣстнаго водчаго, который строилъ ассигнаціонный банкъ въ С.-Петербургѣ; за его проектъ весьма ходатайствовала императрица Марія Федоровна; (былъ) присланный изъ Италіи еще проектъ, совершенно не соответствующій греческой церкви; (изъ) нашихъ водчихъ—Воронихина (въ византійскомъ вкусѣ); Михайлова — которому принадлежитъ проектъ Петровскаго театра въ Москвѣ, произведенный г. Бове, который дозволялъ, чтобъ ему присвоили сей проектъ, а чугунныя укрѣпленія ложъ принадлежать тоже не Бове, а — Девису, тоже желѣзныя укрѣпленія, стропилы.....

Государь обратился ко мнѣ и съ необыкновенной благосклонностью сказалъ мнѣ:

— Я разсматривалъ вашъ проектъ и съ нетерпѣніемъ жду слышать объясненія. (Императоръ имѣлъ обыкновеніе, видя первый разъ человѣка, говорить вы).

Я поспѣшилъ подойти къ столу, чтобъ арранжировать мѣсто; но государь предупредилъ меня, сдвинувъ въ сторону свертки, взялъ стулъ, подвинулъ его къ столу и сѣлъ; съ одной стороны сѣлъ князь Александръ Николаевичъ. Государь указалъ мнѣ на стулъ, съ другой стороны стоявшій; но я этимъ не воспользовался, но, стоя съ правой стороны, началъ свое объясненіе. Я развернулъ оба проекта; но государь замѣтилъ, чтобы я отложилъ маленькій проектъ, который хорошъ, но похожъ на прочіе изъ числа обыкновенныхъ вещей.

— Мнѣ нравится большой проектъ. Въ немъ я замѣтилъ особенную оригинальность.

Александръ слушалъ съ необычайнымъ вниманіемъ, часто глядя мнѣ въ глаза. Остерегался прерывать мою рѣчь и тогда только спрашивалъ повторенія, когда не дослышалъ чего. Переспрашивая что-то, государь указывалъ рукою на планъ; пламенно объясняя, я сдвинулъ руку императора и былъ до того увлеченъ, что даже забылъ извиниться и впоследствии уже догадался о несообразности сего дѣйствія. Передъ окончаніемъ я замѣтилъ слезу на глазахъ Александра.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «ко мнѣ».

Цари рѣдко плачутъ! Вотъ была полная награда для меня, которую нельзя промѣнять на ордена и отличія.

По окончаніи полнаго объясненія (государь) сказалъ:

— Я чрезвычайно доволенъ вашимъ проектомъ. Вы отгадали мое желаніе, удовлетворили моей мысли объ этомъ храмѣ. Я желалъ, чтобы онъ былъ не одна куча камней, какъ обыкновенныя зданія, но былъ одушевленъ какой-либо религіозной идеею; но я никакъ не ожидалъ получить какое-либо удовлетвореніе, не ждалъ, чтобы кто-либо (былъ) одушевленъ ею, и потому скрывалъ свое желаніе. И вотъ я разсматривалъ до 20-ти проектовъ, въ числѣ которыхъ есть весьма хорошіе, но все вещи самыя обыкновенныя. Вы же заставили камни говорить. Но увѣрены-ли вы, что всѣ части вашего храма будутъ удобоисполнимы?

Натурально государь ждалъ получить отвѣтъ удовлетворительный; но вышло другое.

— «Нѣтъ, государь», отвѣчалъ я.

Этотъ отвѣтъ привелъ государя въ недоумѣніе, и неожиданъ для другаго вопроса, я прибавилъ:

— «Представленный вашему величеству проектъ мой есть трудъ охотника, изучавшаго архитектуру на самомъ проектѣ. И потому весьма вѣроятно, что въ немъ много найдется, что надлежитъ привести въ лучшій порядокъ при практическомъ исполненіи. Я довольствовался *) выразить тоюмо мои мысли объ этомъ предметѣ, предоставляя архитекторамъ привести оное въ исполненіе. Съ своей стороны, я уже вполне награжденъ воззрѣніемъ вашего величества на мой трудъ».

Тутъ же я указалъ на одинъ предметъ, затруднявшій меня.

— Такъ вы до этого времени не занимались архитектурой?

— «Нѣтъ, государь, я изучился ей надъ этимъ проектомъ».

— Какъ же вы могли рѣшиться на столь трудное предпріятіе, не занимаясь архитектурой? спросилъ государь съ удивленіемъ, и выжидая моего отвѣта.

— «На этотъ вопросъ, ваше величество, я ничего болѣе сказать не могу, какъ только то, что сильно желалъ заняться этимъ предметомъ, чтобы выразить свою мысль; твердо бывъ увѣренъ, что все зависить отъ твердой воли нашей, и что, имѣя какія-

*) «Я довольствовался», вм. зачеркнутаго: «я чувствовалъ себя обязаннымъ».

либо способности можемъ сегодня успѣть въ томъ, чего мы вчера не знали».

— Да, это справедливо, мы сейчасъ говорили объ этомъ съ княземъ; человекъ все можетъ, ежели захочетъ. И вы тоже доказываете своимъ трудомъ. Но,—разсматривая меня, сказалъ государь,—я желалъ бы знать нѣсколько ходъ вашего воспитанія.

— Я родился въ Петербургѣ и лѣтъ десяти былъ отданъ родителями въ Горный кадетскій корпусъ. Спустя годъ, состоялся высочайшій указъ объ отдачѣ въ оспенный домъ всѣхъ дѣтей, неизвѣвшихъ оспы; родители, боясь сего, взяли меня домой; докторъ привилъ мнѣ дурную матерію, слѣдствіемъ чего скопившаяся матерія въ правомъ боку составила опухоль. Сдѣлана была операція. Рана была открыта и продолжалась два года, вслѣдствіе чего я долженъ былъ оставить корпусъ. Я былъ отданъ въ пансіонъ лютеранской (церкви) св. Анны, гдѣ по совѣту почтеннаго Шлейснера, (меня) оперировавшаго, долженъ былъ обучаться латинскому языку для того, чтобъ впослѣдствіи учиться медицинѣ. Но когда я оканчивалъ свой курсъ въ сказанномъ пансіонѣ, то во мнѣ стало открываться другое желаніе. Во-первыхъ, по чувствамъ моимъ, я не могъ хладнокровно предаваться наукѣ, (въ) коей (не) прилежаніе и небрежности могли быть смертельными несчастнымъ страдальцамъ, и потому имѣлъ уже отвращеніе отъ самой науки. Напротивъ, большую склонность имѣлъ я къ изящнымъ искусствамъ, къ чему меня поощряли еще болѣе слова учителя, говорившаго, что «самъ Богъ велитъ вамъ быть въ Академіи». Я открылъ моему родителю желаніе. Онъ не хотѣлъ мнѣ препятствовать *) и я поступилъ въ Академію, избравъ историческую живопись, какъ высшую часть. Въ четыре года я успѣлъ превзойти всѣхъ моихъ товарищей и получить всѣ медали. Я былъ назначенъ для усовершенствованія путешествовать въ чужіе края на счетъ Академіи. Случившаяся война и упадокъ курса воспрепятствовали путешествію, ибо давали 800 р. въ годъ, которые составляли за границей 200 (червон.). Такимъ

*) По семейнымъ преданіямъ, напротивъ, отецъ Витверга сильно прогнѣвался поступленію сына въ Академію;—добывая себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ комнатнаго живописца и даже, какъ говоритъ преданіе, росписывая гербы на экипажахъ—старикъ смотрѣлъ на живопись, какъ на ремесло, далеко не привлекательное. См. «Русск. Стар.» т. V, стр. 18.

образомъ прошли 6-ть лѣтъ въ ожиданіи. Въ 1815 г. представился случай ѣхать въ Москву; я взялъ отпускъ отъ Академіи. Съ самаго изданія манифеста вашего величества о намѣреніи соорудить храмъ, мнѣ казалось, что я отгадываю или понимаю вашу мысль. Идея моя была безъ исполненія, по незнанію архитектуры; наконецъ въ Москвѣ, при воззрѣніи (sic) Кремля, гдѣ два пріятели желали знать мое мнѣніе о построеніи храма въ Кремлѣ, идея моя усилилась, и я, осмотрѣвъ мѣстоположеніе Кремля, рѣшился исполнить мысль свою и заняться проектомъ и изучить архитектуру, пренебрегая всѣми (посторонними) занятіями. Такимъ образомъ трудился я два года, и наконецъ составилъ проектъ, который имѣю теперь счастье представить вашему величеству. Итакъ, этотъ проектъ есть только выраженіе мысли моея. Если проектъ вашему величеству нравится и если угодно вашему величеству, чтобъ онъ былъ осуществленъ, то я желалъ бы имѣть время на поправленіе его, съ помощію Того, Кому онъ посвящается, и тогда, я надѣюсь, что онъ будетъ изъять всѣхъ ошибокъ.

— И я увѣренъ, сказалъ пылко императоръ, ударивъ меня по плечу.

Этимъ разговоръ кончился. Государь далъ *) знакъ удалиться, склоненіемъ головы; я вышелъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ императора. Это чувство любви, разлитое въ его взорахъ, заставило бы меня влюбиться въ него, ежели бы я былъ (женщиной). Чего не въ состояніи сдѣлать подданный для такого царя!

Итакъ, исполнилось то, въ чемъ я былъ, страннымъ образомъ, увѣренъ темнымъ предчувствіемъ, увлекавшимъ меня въ занятіе новое, неизвѣстное, безъ задатка школьнаго ученія **).

V.

На другой день я явился къ князю (Голицыну).

— Объясненіе ваше вчерашнее было прекрасно, сказалъ онъ, несравненно лучше всѣхъ предъидущихъ. Государь былъ чрезвычайно вами доволенъ. Но онъ несогласенъ предоставить

*) Зачеркнуто: «бла» — вѣроятно «благосклонно».

**) Все послѣдующее отдѣлено въ подлинникѣ толстою чертою и на полѣ написано: «ко 2-му отдѣлу».

Ред.

Ред.

12*

производство дѣла другимъ; онъ хочетъ, чтобы вы были (строителемъ), полагая, что ежели вы въ состояніи были создать этотъ проектъ и выучиться архитектурѣ, то можете обработать и дальнѣйшее при помощи людей, но подѣ личнымъ вашимъ руководствомъ. Теперь государь даетъ вамъ время обработать, по вашему желанію, проектъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, причисляетъ васъ въ своему Кабинету, съ полученіемъ 2,000 руб. жалованья, и жалуетъ единовременную награду, состоящую изъ 5,000 р.

На это возразилъ я*), что весьма высоко цѣню милость государя, но что же я буду дѣлать въ Кабинетѣ; гораздо лучше желалъ бы я помѣститься гдѣ-нибудь по вѣдомству Путей Сообщенія.

— Хорошо, сказалъ князь, помолчавъ, я вамъ дамъ письмо къ генер. Бетанкуру**). Государь замѣтилъ сдѣланныя подѣ руководствомъ вашимъ царскія врата, и нашелъ въ нихъ новую идею, которая весьма понравилась. Что же касается до нѣкоторыхъ подробностей по практической части, государь желаетъ, чтобы вы посовѣтовались съ Стасовымъ, отъ котораго можете многое заимствовать и не терять времени за собственнымъ обработываніемъ.

Это оскорбило меня нѣсколько и я возразилъ:

— «Ежели государь считаетъ меня достойнымъ на избранное дѣло, то я найду время на обработываніе. А совѣтоваться съ архитекторами мнѣ будетъ непріятно. Они мнѣ теперь враги, и чего же я могу ждать отъ ихъ совѣта? Боюсь ихъ швольнаго ученія. И вы, князь, знаете мои чувства на этотъ счетъ».

— Вы хотите, спросилъ онъ, чтобы я передалъ ваши слова императору?

— Да, непременно, ваше сіятельство; лучше пусть онъ заблаговременно знаетъ меня. Впрочемъ, прибавилъ я, противъ Стасова ничего не имѣю, и напротивъ, уже одно то, что онъ учился не въ Академіи и гонимъ ею***) говоритъ въ его пользу, хотя я его и не знаю.

*) Слова: «на это...» до «государь замѣтилъ» въ подлинникѣ зачеркнуты.
Ред.

***) Генералъ Огюстенъ де-Бетанкуръ, извѣстный механикъ, былъ въ это время управляющимъ публичными сооружениями и путями сообщеній. П. П.

***) Стасова, Василья Петровича (1769—1848), Академія Художеств не могла ни гнать, ни поощрять, потому что онъ былъ только почетнымъ воль-

Князь передать мои слова государю, но государь велѣлъ мнѣ сказать, что зная чувства Стасова, онъ рекомендовалъ мнѣ (его), что и теперь повторяетъ свои совѣты.

Нечего было дѣлать, я отправился къ Стасову. Въ немъ нашель я совсѣмъ не ученаго педанта, но истиннаго артиста, высоко образованнаго, съ превосходнымъ взглядомъ на науку, и который точно во многомъ способствовалъ къ объясненію нѣкоторыхъ, не совсѣмъ ясныхъ мѣстъ архитектуры. Стасовъ мнѣ сказалъ, что императоръ уже говорилъ о моемъ проектѣ съ нимъ, и что онъ ему весьма нравится; но сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, кои были столь основательны, что я ими тотчасъ и воспользовался.

Впослѣдствіи князь Александръ Николаевичъ объявилъ мнѣ, что государю неугодно, чтобъ храмъ былъ воздвигнутъ въ Кремлѣ, ибо неприлично разрушать древній Кремль и самое зданіе будетъ неумѣстно, смѣшиваясь съ византійскими зданіями Кремля. Вслѣдствіе чего князь обѣщалъ меня снабдить инструкціею для отъѣзда въ Москву, ибо государь предоставилъ мнѣ избраніе мѣста,—куда я и самъ просился для совершенія брака.

Передъ отъѣздомъ моимъ, однажды, я былъ внезапно потребованъ къ графу Аракчеву, черезъ курьера, пришедшаго отъ князя Александра Николаевича. Графъ самъ подѣзжалъ къ дому князя и строжайшимъ образомъ приказалъ эзекутору, чтобъ я самъ явился къ нему въ извѣстный часъ по волѣ государя. Мнѣ было очень странно и грозное приглашеніе, и то, что онъ самъ подѣзжалъ къ дому князя, отъ коего я зналъ вполне объ отношеніяхъ графа. Послѣ я узналъ, что причина этого спѣха была та, что онъ (графъ) забылъ приказаніе государя, а въ тотъ день въ обѣдъ надлежало ему донести о томъ государю.

Я явился къ графу. Онъ принялъ меня весьма благосклонно.

нимъ общникомъ ея и всегда, по мѣсту служенія, бывалъ независимъ отъ академическаго начальства и совѣта. Напротивъ того, при императорѣ Николаѣ I, Академія и президентъ ея Оленинъ очень дорожили добрыми отношеніями со Стасовымъ и, во многихъ случаяхъ, за время даже Александра I, Академія выражала къ этому строителю свое уваженіе. Въ общники выбранъ Стасовъ безъ всякаго заявленія съ своей стороны—единогласно, что вовсе не свидѣтельствуетъ о враждебности къ нему. Въ академіи же Стасовъ, избранный въ назначенные, прямо не попалъ, потому что не бралъ программы.

II. II.

Онъ объявилъ что государь поручилъ ему сказать мнѣ, что «прежде нежели вы уѣдете въ Москву, его величеству угодно разсмотрѣть со мною *) проектъ въ Таврическомъ дворцѣ», куда ежели потребуютъ меня, чтобъ я былъ готовъ. А если за мною не пришлютъ, то чтобы я явился къ нему въ 5-ть часовъ.

Въ назначенное время я явился къ графу, который объявилъ мнѣ, что государь думаетъ, что горка на Яузѣ **) мѣсто весьма удобное для храма, которое имѣеть и косогоръ и рѣву, входящую въ составъ проекта.

«По подробномъ разсмотрѣннн проекта вы немедленно пришлете свое мнѣніе; впрочемъ, относитесь къ князю Александру Николаевичу, отъ котораго вы и будете получать нужныя предписанія».

Получивъ всѣ нужныя предписанія, я отправился въ Москву. Сверхъ того, мнѣ было выдано, по высочайшему повелѣнію, за наемъ квартиры 1,500, и на дорогу 1,000.

VI.

Приѣхавши въ Москву, весною 1816 г., я не могъ остановиться у Рунича въ почтамтѣ, ибо мѣсто его уже занималъ К. Я. Булгаковъ. Тотчасъ явился я къ архіепископу Августину, съ которымъ я уже былъ знакомъ черезъ извѣстнаго доктора М. Я. Мудрова ***).

Я въ немъ (въ Мудровѣ) видѣлъ человѣка съ особенными дарованіями, и, несмотря на горячій нравъ свой, одареннаго весьма добрымъ сердцемъ. Онъ былъ доволенъ моими идеями и не находилъ ни-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «съ графомъ».

Ред.

**) Это такъ-называемая Вшивая горка, на высокомъ крутомъ берегу Москвы-рѣки, при впаденіи въ нее рѣки Яузы, противъ Воспитательнаго дома, гдѣ, на вершинѣ холма, стоитъ каменная церковь Благовѣщенія, построенная при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, очень оригинальной архитектуры, извѣстная Москвѣ (по придѣлу Никиты мученика) подъ именемъ Никиты мученика на Вшивой горѣ. Она дѣйствительно занимаетъ картинный пунктъ, съ котораго, какъ на блюдечѣ, видны разомъ: и Кремль, и Замоскворѣчье, и часть города, идущая къ Андроникову монастырю.

П. П.

***) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, медикъ, профессоръ московскаго университета, пріятель А. Ѳ. Лабзина, воспитывавшаго его племяннику вмѣсто дочери. Мудровъ сдѣлалъ ссылаемому въ 1822 году Лабзину торжественную встрѣчу; онъ не устранился неприятностей за оказаніе почести человѣку, находящемуся подъ гнѣвомъ монарха.

П. П.

чего противнаго въ нихъ грекороссійской церкви. Мы съ нимъ сблизились и я часто бывалъ у него. Черезъ него познакомился я еще съ московскимъ духовенствомъ. Августинъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— Ну, поздравляю васъ съ успѣхомъ; я впередъ былъ увѣренъ, что проектъ будетъ одобренъ, и потому уже очистилъ мѣсто для храма.

— «Благодарю, ваше преосвященство; но вѣроятно тутъ встрѣтится ошибка, ибо государю не угодно, чтобы храмъ былъ строенъ въ Кремлѣ, и я теперь прѣхалъ для разсмотрѣнія мѣста на Вшивой-горѣ» *).

— Ну не бѣда, возразилъ Августинъ, сломанная церковь Николы Гастунскаго, противъ архіерейскаго дома**), всегда была не на мѣстѣ.

Архіепископъ приглашалъ меня остановиться въ одномъ изъ его подворьевъ, подъ названіемъ Заборовскаго. Я благодарилъ за предложеніе; но замѣтилъ, что я скоро отправляюсь для бракосочетанія, и что мнѣ, женатому, можетъ быть, будетъ неприлично жить въ архіерейскомъ подворьѣ.

— «Ничего, для васъ можно позволить. Итакъ, прошу свободно расположиться въ Заборовскомъ подворьи». Тамъ я и помѣстился.

Немедленно занялся я разсматриваніемъ мѣста на Вшивой-горѣ; послѣ сего доносилъ я кн. Александру Николаевичу, что слѣдующія неудобства находятся при выборѣ сего мѣста: 1) что не доставало достаточнаго пространства для нужной площади храма; 2) что многіе изъ вупцовъ, имѣвшіе тутъ дома, успѣли уже обстроиться послѣ пожара и что слѣдовало всѣ сии дома пріобрѣсть покупкою, что могло потребовать большую сумму, особенно, принявъ въ уваженіе, что (тутъ-же) и прекрасный огромный домъ Шепелева, который одинъ могъ стоить болѣе милліона и безъ котораго мѣсто было бы недостаточно; 3) а какъ при таковыхъ покупкахъ не обходится безъ того, чтобъ богатый не былъ въ выгодѣ, а бѣдный притѣсенъ, теряя свой послѣдній домъ, то

*) Въ подлинникѣ вездѣ пишется: «Швивая-гора»—явная ошибка. Ред.

**) По всей вѣроятности, подъ именемъ Николы разстрѣяннаго слѣдуетъ разумѣть бывший въ старину, въ Кремлѣ, противъ Чудова монастыря—резиденціи мѣстныхъ архипастырей—храмъ Николы Гостунскаго, сильно пострадавшій во время бытности французовъ и, затѣмъ, разобранный. П. П.

прилично ли на такомъ основаніи воздвигать храмъ, предоставляю на благоразсмотрѣніе правительства.

По отправленіи сей бумаги въ Петербургъ, (отправился я въ) Смоленскую губернію, въ помѣстье будущаго моего тестя.

Подробности о семъ будутъ въ своемъ мѣстѣ.

Бракосочетаніе мое было въ селѣ Царево-Займище, въ церкви деревянной. Она замѣчательна, какъ построенная еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и потому, что тутъ князь Кутузовъ принялъ команду надъ арміею.

Спустя нѣсколько времени, я возвратился въ Москву, куда ожидали императора и царскую фамилію, чтобы оттуда ѣхать въ Петербургъ.

По возвращеніи въ Москву, послѣ свадьбы, куда приѣхала и царская фамилія, я былъ потребованъ графомъ Араччевымъ, который мнѣ объявилъ, что такъ какъ я нахожу неудобнымъ мѣсто на Вшивой-горѣ, (то) государь приказываетъ осмотрѣть мѣсто пороховыхъ магазиновъ, близъ Симонова монастыря, и чтобы къ 5-ти часамъ вечера я доставилъ письменно мое мнѣніе.

Отправясь въ назначенное время, я узналъ, что въ монастырѣ былъ графъ, и что слѣдственно имъ оно избрано, и что нужно будетъ мнѣ оспаривать его, ибо мѣсто негодилось. Но какъ я рѣшилъ во всѣхъ дѣйствіяхъ поступать прямо, то я рѣшился и тутъ мнѣніе мое высказать все, которое въ назначенному времени я и представилъ. Неудобства были слѣдующія: 1) Хотя мѣстоположеніе превосходно, но нижняя площадь храма должна будетъ подвергаться разлитію Москвы рѣки; 2) проѣздъ въ храмъ не можетъ быть прямой, а съ боку, отъ Рогожской заставы, что для важности предмета есть уже недостатокъ; 3) еслибъ проложить прямую дорогу, минуя заставу и сдѣлать мостъ черезъ рѣку, прямо противъ фасада храма, то это не имѣло бы успѣха, ибо дорога шла бы самой бѣдной частью города, состоящей изъ однѣхъ лачугъ; 4) самый Симоновъ монастырь, хорошій теперь, въ византійскомъ (sic) вкусѣ, потерялъ-бы много, будучи возлѣ новаго зданія, въ греческомъ (sic) стилѣ. Съ другой стороны и новое зданіе пострадало бы отъ пестроты стараго.

Графъ сильно сталъ оспаривать мои доказательства, то находя, что площадь можно возвысить, то что дорогу можно проложить. Я не считалъ приличнымъ уступать и опровергалъ всѣ до-

казательства графа, какъ по справедливости дѣла, такъ и потому, что графъ могъ для испытанія спорить, чтобы увидѣть твердъ ли я во мнѣнїи и не уступлю ли ему изъ угожденія.

Наконецъ разговоръ нашъ принялъ видъ горячаго спора. Можетъ графъ давно уже не слышалъ, чтобы опровергали его мысли. Пренїе продолжалось добрыхъ полчаса; я не поддался, и каково же было мое удивленіе, когда графъ вдругъ сказалъ:

— «Однако же я согласенъ съ вами», чѣмъ почти и подтвердилъ мое подозрѣніе. «Но какое же другое мѣсто вы бы имѣли въ виду?»

— Кромѣ Воробьевыхъ горъ, ни одного.

— «Вы хотите, чтобы я такъ государю и доложилъ?»

— Прошу, ваше сіятельство.

— «Въ такомъ случаѣ будьте готовы; вѣроятно, его величество завтра утромъ позоветъ васъ».

Мы расстались.

На слѣдующее утро я, по приказанію императора, явился къ нему. Когда я вошелъ въ кабинетъ, государь встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— «Ты избираешь Воробьевы-горы; я радъ, что мы такъ согласны. Хотя я прежде и назначилъ мѣсто хорошее, Вшивую-горку, но ты мнѣ объяснилъ неудобства; сверхъ того, оно и потому не хорошо, что зданіе путалось бы съ городскими строениями. Напротивъ, на мѣстѣ Воробьевыхъ-горъ оно чисто и открыто, и горы, какъ корона Москвы, совершенно приличествуютъ (sic). Ктому же, это мѣсто мое».

Сказавъ нѣсколько словъ въ пользу сего мѣста, я приводилъ нѣкоторые примѣры мѣстоположенія извѣстныхъ зданій въ Европѣ, которыя рѣдко помѣщались въ самомъ городѣ.—«Если мѣсто это кажется отдаленнымъ, то, во-первыхъ, полагаю, совершенно согласно съ мнѣніемъ вашего величества, что оно совершенно открыто, и въ самомъ городѣ нѣтъ достаточнаго мѣста, потребнаго для изящнаго зданія. Это же не есть обыкновенная церковь, куда стекается народъ,—ихъ много и въ городѣ;—но съ тѣмъ вмѣстѣ и великолѣпный памятникъ. Церковь св. Петра въ Римѣ за стѣною города *), также въ Лондонѣ церковь св. Па-

*) Это не точно. Петровская базилика за Тибромъ, но стѣна городская тутъ никогда не проходила.

вла далека отъ центра города. Ибо нельзя обнимать красоту зданія, когда нельзя его видѣть свободнымъ на довольно большое пространство, которое въ городѣ имѣть трудно. Здѣсь еще превосходное удобство дѣлаетъ Дѣвичье-поле, позволяющее видѣть зданіе въ его геометральномъ видѣ. Не менѣе пріятно видѣть на этомъ мѣстѣ рощу, посаженную великимъ Петромъ. Долгое время мѣсто сіе, по красотѣ своей имѣло загородный дворецъ и не неприлично, чтобъ вмѣсто дома царскаго былъ воздвигнутъ домъ Божій. Я смотрѣлъ съ этого мѣста на Москву: сколь городъ ни обширенъ и ни великъ, но онъ кажется ничтожнымъ съ мѣста храма; величина города, поглощенная отдаленіемъ, смиряется передъ храмомъ».

— Да, или, лучше сказать, Москва лежитъ какъ бы у ногъ храма Спасителя.

— Еще одна изъ главнѣйшихъ историческихъ причинъ избранія сего мѣста есть та, что оно лежитъ между обоими путями непріятели, взшедшаго по Смоленской дорогѣ и вышедшаго по Калужской; окраины горы были какъ бы послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ былъ непріятель. Наконецъ, не менѣе важно и то, что мѣсто сіе изобилуетъ глиною и пескомъ, что очень полезно для построенія, и составляющіе (sic) капиталъ для зданія и, сверхъ того, находясь выше Каменнаго моста, по теченію рѣки, даетъ безпрепятственную возможность для доставленія водою матерьяловъ. Условныя требованія были: рѣка и востокъ; здѣсь они выполнены вполнѣ и востокъ даетъ еще возможность обратиться въ садъ востокъ, что одушевитъ зданіе и будетъ служить мѣстомъ отдохновенія.

Государь съ большимъ вниманіемъ слушалъ доводы, соглашался съ ними и, прощаясь, сказалъ, что скоро надѣется видѣться со мною въ Петербургѣ.

— «Гдѣ, вѣроятно, ты скоро представишь мнѣ нѣкоторыя усовершенствованія твоего проекта и примѣненія къ избранному мѣсту».

Государю угодно было такого-то дня (sic) самому осмотрѣть это мѣсто; то оному я сталъ готовить генеральный планъ. Государь обѣдалъ въ этотъ день у князя Н. Б. Юсупова, въ с. Васильевскомъ, находящемся на Воробьевыхъ-горахъ, возлѣ избираемаго мѣста, и оттуда предположено было отправиться къ мѣсту осмотра. Между тѣмъ, я приготовилъ планъ мѣстоположенія для удобнѣйшаго озна-

комленія государя императора съ общностью идей. Я не успѣлъ его (сдѣлать) заблаговременно и едва окончивъ, отправился на горы, спѣша на мѣсто; я поѣхалъ съ однимъ пріятелемъ, который былъ свидѣтелемъ моихъ занятій,—чиновникомъ почтамта Серапинымъ. На Дѣвичьемъ-полѣ взоры мои были обращены на Воробьевы-горы, боясь, что опоздаю. Тамъ было большое стеченіе народа; день былъ совершенно ясный, небо чисто; но надъ самыми горами, гдѣ толпился народъ, на совершенно чистомъ небѣ линія облаковъ, коихъ форма, число обратило особенное вниманіе. Я глядѣлъ на нихъ, не говоря моему товарищу; но и тотъ самъ замѣтилъ.

— «А видите ли, какое странное явленіе?»

— Да, я уже видѣлъ; это, конечно, присутствіе Благословеннаго царя привлекаютъ небеса *) въ этому мѣсту.

— «Нѣтъ, сказалъ товарищъ, это оиміамъ будущаго храма вашего» NBI.

Съ трудомъ, прибывши на горы, я могъ добраться къ государю черезъ толпы народа. Изображеніе облаковъ я, въ видѣ рисунка, довелъ до его величества, гдѣ (sic) онъ, вѣроятно, хранится. Государь замѣтилъ, что много встрѣчается страннаго относительно храма.

Послѣ сего я вскорѣ отправился въ Петербургъ и занялся обработываніемъ своего чертежа, и дѣломъ 1817 года имѣлъ счастье представить государю обработанный проектъ. Когда назначилъ онъ явиться мнѣ, я былъ боленъ и боялся не быть въ состояніи объяснить государю чертежа. Но князь Александръ Николаевичъ говорилъ, что надлежитъ себя переломить, и что Богъ знаетъ, когда государь будетъ имѣть опять свободное время, и что онъ предваритъ государя о болѣзненномъ состояніи моемъ. Я явился во дворецъ, гдѣ уже находился князь Александръ Николаевичъ. Государь принялъ чрезвычайно благосклонно, спрашивалъ о моей болѣзни, о причинѣ оной, требовалъ, чтобъ я сѣлъ, и я долженъ былъ исполнить.

(Государь) остался весьма довольнымъ перемѣнами, сдѣланными мною въ чертежѣ.

Наконецъ было положено, чтобъ я отправился въ Москву для

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «самые облака».

приготовленія фундамента для закладки храма; для содѣйствія мнѣ въ семь я былъ снабженъ письмомъ—отъ 6-го августа 1817 г., день Преображенія—отъ князя Александра Николаевича, по приказу его величества, къ графу Торماسову, главнокомандующему въ Москвѣ,—чтобъ оно было готово къ приѣзду въ Москву государя, и закладка назначена 12 октября, т.-е. въ день изгнанія неприятели.

VII.

Въ Москвѣ остановился я опять въ Заборовскомъ подворьѣ, августъ 1817 г. Немедленно явился я къ графу Тормасову съ требованіемъ содѣйствія, что и предоставлено имъ было требовать отъ строительной коммисіи.

Проложивъ главную проекціонную*) линію и очистивъ косогоръ отъ кустарниковъ, чтобы можно было дойти свободно до мѣста, гдѣ надлежало положить первый камень, я просилъ Августина лично окропить и благословить мѣсто закладки.

Преосвященный не могъ въ тотъ день удовлетворить моей просьбѣ, но на другой день обѣщался быть, будучи близко, въ Даниловомъ монастырѣ, гдѣ освящаль раву Св. . . .**), куда и меня пригласилъ, и тутъ мы были на монашеской трапезѣ, я и Мудровъ.

Послѣ обѣда поѣхали на Воробьевы-горы, гдѣ преосвященный съ духовенствомъ необыкновенно радостно отслужилъ молебенъ съ водосвятиемъ. Окропилъ мѣсто святою водою и водрузилъ на показанномъ мѣстѣ простой крестъ; тутъ же составленный работниками. Послѣ чего, на другой же день, началась выемка земли и приготовленіе фундамента, оставляя конусообразно мѣсто креста. Несмотря на всю мою торопливость, работники не могли прежде окончить выемку земли, какъ только въ 13-му сентября,—день празднованія обновленія храма. Хотя я собирался утромъ туда, но отвлеченный иными дѣлами явился послѣ обѣда и только къ этому времени поспѣли работники. Призвавъ священника съ Воробьевыхъ-горъ, который отслужилъ молебенъ, я снялъ крестъ, водруженный преосвященнымъ Августиномъ, держалъ его въ рукѣ до тѣхъ поръ, пока работники срыли находящійся подъ нимъ конусъ земли, и опустивши, водрузилъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «дистанціонную».

**) Имя святого въ рукописи не обозначено.

его въ грунтъ, положивъ крестообразно 4 камня около него. Священникъ и бывшіе тутъ довершили обладываніе камнями креста. Оставя работникамъ дальнѣйшее забучиваніе фундамента, я поспѣшилъ въ Успенскій соборъ, куда согласился я быть съ Мудровымъ, чтобы видѣть богослуженіе воздвиженія креста, которое я никогда не видѣлъ, и которое только совершается въ Успенскомъ соборѣ. Каково же было мое удивленіе, когда, взойдя въ соборъ, я увидѣлъ дѣйствіе, много сходное съ совершеннымъ на горахъ. Торжество сіе весьма великолѣпно и состоитъ въ томъ, что архипастырь, то воздвигалъ, то понижалъ съ благоговѣніемъ боготоржественный и увѣнчанный розами крестъ, при пѣніи священныхъ гимновъ, и когда крестъ понижали, то два іерея поливали на него розовую воду. Множество свѣчей придавали особую торжественность этой процессіи.

Съ окончаніемъ фундамента устраивалась терраса *) для процессіи закладки, достаточной величины, чтобы могла помѣститься царская фамилія, главное духовенство и придворный штатъ и отъ террасы—лѣстница до верха горы и дорога отъ Москвы-рѣки, съ лѣстницами-же на крутыхъ сватахъ.

Между тѣмъ, я узналъ, что понтонная рота находится близъ Тарутина и просилъ главнокомандующаго, чтобы его содѣйствіемъ отражено было два понтона въ Москву и были бы наведены ко дню закладки храма, ибо шествіе должно было начинаться съ Дѣвичьяго-поля. Графъ сначала согласился; но на другой день предложилъ мнѣ, не лучше-ли сдѣлать временной деревянный мостъ на сваяхъ. Я возразилъ, что такой мостъ будетъ стоить довольно дорого**), а понтоны ничего нестоятъ.

— Впрочемъ, я это предоставляю распоряженіямъ вашего сіятельства. Мои занятія оканчиваются горами и ежели ваше сіятельство возьметъ на свою отвѣтственность, то я не вхожу въ сіи подробности.

— «Послѣ этого дайте мнѣ письменный отзывъ, что вы не требуете такого моста».

На это я возразилъ, что поелику я ни письменно, ни сло-

*) Сбоку рукописи на полѣ: «Въ полугорѣ, на 15 саж. вертикальной высоты отъ воды». Ред.

**) На полѣ отиѣтка: «Мостъ по смѣтѣ долженствовалъ стоить до 19,000 р.». Ред.

весно такого моста не требоваль, то не нахожу надобности давать объ этомъ письменнаго отзыва.

Какъ я могъ замѣтить, графъ былъ недоволенъ.

Въ другой разъ графъ спрашиваль меня откуда начнется шествіе: изъ Кремля или изъ (Ново) Дѣвичьяго монастыря, и что ему это нужно знать потому, что по осеннему времени надлежитъ устроить отъ (Ново) Дѣвичьяго монастыря до рѣки деревянную дорогу.

Я отвѣчалъ, что не знаю откуда государь прикажетъ начать шествіе, и спросилъ, что могла бы, по мнѣнію графа, стоять такая дорога?

— Съ чѣмъ-то 20,000 руб.

Находя, что эта сумма довольно значительна, я (отвѣчалъ, что) не имѣлъ никакого порученія съ другой стороны рѣки распоряжаться.

Графъ старался убѣдить, что это необходимо для приличія церемоніи, и я отвѣчалъ, что его воля и его отвѣтственность.

Между тѣмъ терасса покрывалась досками. Чувствуя себя нездоровымъ, я дни два не былъ на горахъ, однако зналъ о томъ, что Карбонье начиналъ готовить матеріалы *).

Государь императоръ прибылъ въ Москву и того-жъ дня вечеромъ поздно, около полуночи, я былъ потребованъ къ его величеству. Первые слова государя императора были: «каково теперь твое здоровье?» Тутъ только далъ я полную цѣну словамъ, сказаннымъ мнѣ передъ отъѣздомъ до С.-Петербурга.

Государь спрашиваль: «все ли будетъ готово въ надлежащему дню?»

Государь мнѣ сказалъ, (что) ему сказали, будто терасса довольно прочно устраивается.

— Ее еще и не начинали укрѣплять, ваше величество. И вѣроятно это-то самое сбило понятія лица, доложившаго вашему императорскому величеству, тѣмъ болѣе, что она уже покрывается досками. Позднее осеннее время заставляло опасаться ненастья и снѣга; въ такомъ случаѣ ежели бы я занялся укрѣпленіемъ стоекъ терассы, то работники должны были бы безъ за-

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «Между тѣмъ за нѣсколько дней до прибытія царской фамилии, однажды вечеромъ является ко мнѣ отъ генерала инженерный маіоръ Хозиусъ, говоря, что генералъ Карбонье».... См. ниже.

крышки производить не такъ успѣшно работу, а укрѣплять стойки все равно прежде или послѣ. Предположеніе мое оправдалось. Не успѣли закрыть настилку, какъ сырая погода и потомъ снѣгъ случились.

Государь остался доволенъ объясненіемъ и сказалъ, что увѣренъ, что я въ этомъ случаѣ не ошибусь.

— «Тормасовъ, продолжалъ государь, мнѣ что-то говорилъ о дорогѣ и о мостѣ черезъ рѣву и что ты не соглашаешься съ нимъ, то я желаю знать твое мнѣніе» *).

Я объяснилъ его величеству вышесказанное о мостахъ и о дорогѣ, поставляя на видъ, что кромѣ цѣны моста, понтоны очень приличны, ибо они служили и въ самую войну — что весьма понравилось государю. Что же касается о дорогѣ черезъ Дѣвичье поле, это тоже не нужно.

— «Что касается до меня, я довольно привыкъ ходить во время кампаніи, жена не отстанетъ отъ меня, а духовенство вѣроятно не затруднится тѣмъ. Итакъ, нѣтъ надобности бросать 40 т. для двухъ часовъ и когда можно безъ нихъ обойтись».

На другой день утромъ явился ко мнѣ инженерный майоръ Хозиусъ, сказавъ, что начальникъ его, генераль Карбонье, поручилъ ему спросить, должна ли стелится деревянная дорога по Лужницкому полю?

— Обстоятельство это до меня не касается; это дѣло главнокомандующаго въ Москвѣ, которому я уже говорилъ мое мнѣніе.

Хозиусъ оставался въ недоразумѣніи, что ему дѣлать, говоря, что матеріалъ навезенъ.

Я возразилъ, что — «вѣроятно начальникъ вашъ знаетъ, что дѣлаетъ».

— Конечно такъ, но онъ самъ, кажется, не увѣренъ, угодно ли это будетъ государю, или нѣтъ?

— Въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, что рѣшительно государю это не будетъ угодно, ибо я изустно вчера слышалъ въ 12 часовъ вечера, а съ тѣхъ поръ никакого приказанія быть не могло.

Хозиусъ поблагодаривъ, съ нѣкоторыми околочностями спросилъ: «а какъ быть съ дорогою на Воробьевыхъ-горахъ?»

*) Въ подлинникѣ на полѣ: «Вѣроятно вопреки мнѣнія, здѣсь приведеннаго госуд. импер., дорога сія была сдѣлана».

— Съ какою?

— Я, по приказанію генерала, началъ выравнивать дорогу и срывать нѣкоторыя крутыя мѣста, а въ другихъ надлежитъ сдѣлать лѣстницы.

— А! это дѣло другое, это касается собственно до моего лица, и какъ смѣли вы, г. маіоръ, и вашъ генералъ распорядиться тамъ, не испросивъ моего согласія? Такое дѣйствіе считаю я насильственнымъ и оскорбительнымъ для меня, а о такомъ самовольномъ поступкѣ гг. инженеровъ я доведу до свѣдѣнія государя.

Тутъ я разгадалъ, кто императору говорилъ о терасѣ.

Хозіусъ испугался и сказалъ, что все это можно оставить.

— Нѣтъ, сказалъ я, не оставить, а привести все въ прежній видъ, насыпать, гдѣ срыли и срыть гдѣ насыпано, чтобъ вашего труда нигдѣ не было.

Съ тѣмъ вмѣстѣ я вынулъ чертежъ иной дороги и сказалъ: «вашъ генералъ напрасно хотѣлъ меня предупредить; вотъ здѣсь назначено все, что нужно сдѣлать».

Послѣ сего явился я къ графу Торماسову: во-первыхъ, объявить ему, что государь вполнѣ одобрилъ мое мнѣніе противъ деревянной дороги и моста, съ тѣмъ вмѣстѣ и о сказанномъ государемъ императоромъ о терасѣ. А такъ какъ въ лицѣ доносителя я вижу лицо неблагопріятствующее мнѣ, кромѣ графа, дознать, кѣмъ это было сказано.

— Это я доблადывалъ государю.

— Но это вы не могли, графъ, сказать отъ себя, кто же вамъ донесъ? ибо вы не знаете этихъ дѣлъ.

Графъ затруднился; въ это время взомелъ генералъ Карбонье и графъ, извиняясь, что нужно ѣхать, указалъ на генерала и сказалъ, что онъ объяснитъ.

Я, обращаясь къ г. Карбонье, сказалъ ему, какое подозрѣніе на него наводятъ послѣднія слова графа и довольно горячо упрекалъ его въ предосудительности чернить дѣло, еще недоконченное.

Карбонье говорилъ, что терасса не будетъ болѣе укрѣпляться и боялся за царскую фамилію.

— Въ такомъ случаѣ вы должны были бы сообщить мнѣ ваше мнѣніе и узнали бы неосновательность его, а теперь вы сдѣлали доносъ.

Разговоръ разгорячался. Карбонье своими шагами ходилъ по горницѣ. Не считая приличнымъ продолжать разговоръ, я оставилъ его и вышелъ. Потомъ отправился я на горы и нашель, что г. Хезіусъ распорядился такъ, какъ я требовалъ.

На другой день я отправился на работы послѣ обѣда, не успѣвъ посѣтить ихъ въ обыкновенное утреннее время. Когда я хотѣлъ возвращаться, то замѣтилъ, что снизу тянется команда военнорабочихъ солдатъ отъ рѣки, которая идетъ прямо къ терассѣ. Я остался ожидать ихъ прибытія. Офицеръ вскорѣ вошелъ туда, вызывая туда команду.

— Зачѣмъ вы сюда идете? спросилъ я его.

Офицеръ не намѣренъ былъ обращать на меня вниманія, дерзко отвѣчалъ, что ему велѣно поставить команду для испытанія терассы.

— Этого я вамъ не позволю сдѣлать, воротитесь назадъ и скажите это вашему начальнику.

Офицеръ, замѣтившись, сказалъ, что это невозможно, ибо онъ дѣлаеть вслѣдствіе приказанія.

— Но, пошеволь, будетъ возможно; если вы силою захотите наставлять, то я силою велю рабочимъ ее прогнать. Впрочемъ, не совѣтую доводить до этого. Я здѣсь одинъ, по высочайшему повелѣнію, непосредственной начальникъ; теперь вы видите, что имѣю право на это.

Офицеръ сдѣлался вѣжливымъ и былъ въ затруднительномъ положеніи, что дѣлать. Я сказалъ ему, что сейчасъ поѣду къ графу Тормасову и чтобы онъ не боялся за слѣдствіе. Что и было сдѣлано; но какъ графъ отдыхалъ въ это время (то) я оставилъ графу записку, въ коей, описавъ дѣло, заключилъ, что когда терасса будетъ укрѣплена, я извѣщу его сіятельство и тогда, для удостовѣренія, можетъ поставить команду.

Но я не хотѣлъ этого сдѣлать и потому вознамѣрился не укрѣплять терассу до послѣдней ночи передъ процессіей. Такимъ образомъ все было готово снаружи прежде, нежели укрѣплялись стойки, что еще болѣе смущало ихъ.

Наканунѣ торжества, ночью, при огнѣ съ фонарями, вся внутренность терассы была наполнена работниками такъ, что въ два-три часа она была укрѣплена, а утромъ, незадолго до процессіи, извѣстилъ я графа, что терасса укрѣплена. Само собою

понятно, что графъ уже не могъ тогда сдѣлать нивагого распоряженія.

Наканунѣ императоръ явился на горы, гдѣ я все нужное ему объяснялъ. Сходя отъ мѣста закладки (императоръ) сказалъ: «говорять, будто на этомъ мѣстѣ есть много ключей?»

— Да, государь, и вотъ одинъ изъ самыхъ прелестнѣйшихъ, и я ими воспользуюсь для извѣстныхъ, вашему величеству, водныхъ украшеній. Впрочемъ, ненадобно полагать, чтобъ сіи ключи служили препятствіемъ важнымъ, хотя и потребуютъ нѣкоторыхъ издержекъ.

— Конечно, я не могу надѣяться что-либо видѣть при себѣ, — (сказалъ государь), но, при предпріятіяхъ огромныхъ, нечего смотрѣть на какія-нибудь издержки.

12 октября 1817.

Подробности о закладкѣ находятся въ особой книгѣ, изданной около того времени въ Москвѣ, соч. Соколова.

Закладка стоила безъ малаго 24,000 руб.

Деньги получались изъ строительной комиссіи по счету генерала Карбонье. Счетъ этотъ показываетъ, на какихъ основаніяхъ онъ дѣланъ. Матеріалъ остался отъ дороги, но неизвѣстно, куда поступилъ. Сверхъ того показаны порціоны военнорабочимъ съ августа до марта; а какъ закладка была 12 октября, (то) спрашивается, что же они дѣлали 5 мѣсяцевъ для сего предмета?

(Продолженіе будетъ).